

Таня Стар АРТ

Часть первая

Вступление

«Наш Мир изменился. Люди больше не верят в Богов и магию. Их вера рухнула одновременно с распространением алчности и насилия, с несправедливым обогащением и необъяснимой смертью, с войнами и голодом. Господь покинул нас, он оставил наш маленький мир, ему больше не интересны наши души и защита нас. Мы обречены».

1863 год н. э. — Ц.Б.Фредерик III, Великий Священник эры Христа. Рим, Италия.

«Столетиями люди были готовы ринуться в битву и умереть за своего Бога с его именем на устах. Он всегда был нашим спасителем, повелителем людских мечтаний и целей. Был... Но ушёл... Навсегда...».

2001 год н. э. — Джино, студент NYU, факультет древних культур и философии. Нью-Йорк, США.

«Бог? Конечно, он существует. Иначе, кто же вселяет в нас веру и надежду?».

2012 год н. э. — Михаил, механик. Москва, Россия

Говорят, что перед смертью каждый из нас вспоминает прожитую жизнь, не упуская ни малейшей детали, дабы было, что рассказать на Небесах новым товарищам. Мы вдаёмся в сентиментальные воспоминания, словно кот, прильнувший к миске с долгожданной сметаной, слизывая всё до последней капли, а разобравшись с содержимым, продолжаем точить языком мельчайшие остатки до исчезновения запаха.

Именно так сейчас происходит со мной. Меня и моего учителя Айса доставят в наше последнее место захоронения, пирамиду Рамзеса. За окном вертолёта жгучее солнце Ливии, в салоне, напротив меня, неподвижно сидит Наоми и какой-то наёмник со штурмовой винтовкой. Не смотря на то, что лететь всего несколько часов, но времени у нас в обрез. Надо успеть рассказать всё, что я знаю, начиная с мельчайших подробностей.

Это моя дорога в Ад или Рай, как повезёт. Однако одного я не допущу — умереть и не оставить информации о себе и происходящем. Хоть кто-то должен услышать меня и узнать всю правду.

Пролог

Столетиями люди поклонялись и повиновались своим идолам, либо, как они сами же называли их — Богам. Кто же такие эти «Боги»? Сверхъестественные существа, как духи или призраки, или необыкновенные люди, вроде Будды, Иисуса, Иеговы? Или они просто неодушевлённые предметы, как луна либо солнце?

Что ж, эта история о нашей реальности, в которой мы живём и о Богах, которым мы привыкли молиться. Я искренне надеюсь, что никоим образом не изменю Ваши религиозные верования, и ничем не обижу, однако на Вашем месте я бы пересмотрел взгляды на религию в целом, изучив первоисточники. Существуют тысячи мнений на счет «божественной истины», однако ни одно из них не является верным, ровно в той же степени, насколько они же правдивы.

Некоторые говорят, что Боги существуют, другие верят, что Бог один, существует и атеисты, которые только и делают, что обвиняют церковь во лжи и наживе на человеческой вере.

К слову, это чушь. Историю не берут с потолка и не создают религию на пустом месте. Я до сих пор здесь. Ну, в смысле МЫ до сих пор здесь: я, мои братья и сестры. Да, нас, Богов, целый отряд на Земле. По крайней мере, Земляне нас так

называют. Раньше в нашу честь строили огромные храмы, ваяли статуи, олицетворявшие нас за работой, создавали произведения искусства, отображающие наш отдых, проводили праздничные фестивали и спортивные состязания под нашими флагами.

Мы *НАСТОЯЩИЕ*, наше название, или классификация, или вид, называйте, как хотите — Нибируанцы. Мы так называемся благодаря нашей планете Нибиру.

Меня зовут Арт. Наша родная планета сейчас далеко отсюда, в своём апогее, дальняя точка орбиты. Её «притянуло» ваше солнце, когда Нибиру впервые проходила сквозь Млечный Путь. Да, кстати, благодаря этому мы считаемся одиннадцатой планетой вашей солнечной системы.

На данный момент планета находится в состоянии войны между плохими дядьками и хорошими. Мы относимся к хорошим созданиям (кто бы сомневался), и у нас на Земле особая миссия. Я и мои братья и сестры высадились на планете Земля для изучения её атмосферы, возможных форм жизни и их уровня развития, гражданского и военного, и, по секрету с вами поделюсь, мы кое-что искали. Или я бы даже сказал кое-кого.

Основная стратегия нашего народа — это поддержание «мира во всём мире», нечто вроде

миротворческой организации (нет, не как США в Ираке, а по-настоящему). Мы стараемся предотвращать любые конфликты и войны во вселенной, например такие, как в данный момент происходят у нас на Нибиру, за первенство во вселенной на право поддерживать мир.

Вы только подумайте, какой маразм. Воевать ради того, чтобы поддерживать мир. Бред. Так или иначе, мы наблюдаем за цивилизациями и пытаемся не дать им самим себя уничтожить, не говоря уже о нападениях на других.

Что касается лично меня, я понятия не имею, на кой меня запёрли на эту планету. Не сказал бы, что мне здесь нравится — я просто сыт по горло постоянным перерождением в новую форму.

Вы, наверное, не совсем понимаете, о чём я разглагольствую. Попробую разложить всё по полочкам. Дело в том, что мы, Нибируанцы, точно такие же, как и вы, Земляне, с одной м-а-аленькой разницей — мы владеем и контролируем наши ауры, или как вы их называете, души, и нас тут двенадцать. В смысле нас двенадцать здесь, в вашем мире. «Там, за туманами» нас триллиарды, если вы понимаете о чём я. Чтобы существовать в вашем мире, нам необходима физическая оболочка из вашего мира, ведь наша, подвергаясь жесткой коррозии кислородом, быстро приходит в негодность, то есть мы умираем у вас в атмосфере.

Да, некоторым из нас пришлось умереть через некоторое время после высадки на планете. Остальным повезло, они всего лишь состарились. Однако пришлось срочно искать выход из сложившейся щекотливой ситуации, и мы его нашли — так появился первый во вселенной Землянин, и мы назвали его Адам.

Адам был спроектирован и сконструирован как биологический носитель нашей ауры. И эта самая аура служила ему наподобие батарейки, которую приходилось заряжать каждую ночь (А вы думали, зачем вы спите?) Выражаясь современной терминологией, Адам был первым роботом органического происхождения с функциями регенерации, самовосстановления и перезарядки, или био-роботом. Смоделирован он был с нашего лидера, Айса (да-да, «по образу и подобию»). Определённо, наши женщины выступили против того, чтобы их оболочками были прототипы мужского пола, поэтому им пришлось выкрасть образец ДНК Адама, и спроектировали своё, кровное, женское, фигурное и «симпатишное», назвав Ева. Это, кстати, одна из причин наших постоянных скандалов — одна малюсенькая, почти незаметная, кража. «Почти», потому как существовать в био-роботе без одного «ненужного» ребра не так уж и удобно. Надеюсь, только я помню

искомую причину нашей нелюбви друг к другу, иначе этой ненависти не было бы конца и края.

Итак, возвращаясь к толкованию, после смерти, наша аура отделяется от тела и переходит в нематериальную форму, благодаря чему мы имеем возможность занять физическое тело новорожденного существа. Есть один недостаток: в этих самых роботах мы не настолько сильны, как в своих родных телах, но есть и положительная сторона — мы можем выбрать тело для существования. И когда это тело погибает, мы выбираем новое и так далее. Верите, мне или нет, но я ненавижу процесс возвращения памяти...

Ты снова ребёнок, снова надо ходить в школу, университет, потому как память при перерождении теряется, что происходит из-за нестабильности молодого мозга; заново надо изучать науки, боевые искусства, владение оружием до тех пор, пока братья или сёстры тебя не найдут. Они исполняют ритуал «воспоминания», что не может не радовать. Как только ты доказал, что достоин вновь называться воином и снова использовать свой мозг на сто процентов, память возвращается к тебе волей братства. Но всё равно я ненавижу этот процесс! К сожалению, ничего поделать с этим нельзя, это единственный способ. Оу-у... Да... может это прозвучит неприятно, но Земляне — это созданные

нами био-роботы, как бы печально это ни звучало для вас, Землян.

В этот раз я выбрал маленького мальчика, который родился во времена Советского Союза, поскольку именно это государство, наиболее развитое, должно было стать последним на планете. Я не знаю, почему я выбрал его (мальчика!), я неким образом почувствовал странную связь. Может, я вспомню причину немного позже, когда мы выберемся из передраги. Хотя, наверное, уже ничего не получится. Я устал. Айс тоже изрядно покалечен вражескими пехотинцами... А Наоми... Она ведь не слышит, так?

Я не обращал внимания ни на жару, ни на пыль, ни на оглушающий в вертолёте шум. Я погрузился в воспоминания...

Вот одна из моих историй перерождения.

Всё началось очень давно, когда мой папа встретил мою маму. Они безумно любили друг друга, конечно не настолько, чтобы вместе вершить революцию, совершать совместный суицид или что-либо подобное, но достаточно безумно и искренне, чтобы я и мой брат смогли появиться в этом мире.

Они жили в маленькой стране, расположенной в географическом центре Европы; государстве,

покрытом зелёным ковром бесконечных лесов, полей и безымянных болот. Этот кусочек земли, дающий надежду более десяти миллионам людей на достижение светлого, безоблачного и счастливого будущего, испытывал политическое давление со стороны соседей... (секундочку, чего-то меня понесло... блин!). Мой глубокий интерес к политике развился, когда я учился в университете. До сих пор голова пухнет от зомбирования науками (виноват, я исправлюсь).

Итак, мальчик...

Как я уже упоминал, мои родители любили друг друга до потери памяти и дали жизнь двум замечательным парнишкам, Александру и, спустя четыре года, Арту (это я).

Александр родился в прекрасной семье с отличными манерами и воспитывался целых четыре года в идеальных условиях, по его меркам об идеальности конечно, с родителями ему всегда было весело, они путешествовали по родным просторам, которые он уже, наверное, и не помнит. Само собой, иногда он доставлял неприятности, но всё же первый ребёнок это всегда счастье, поэтому его небольшие шалости не доставляли особых хлопот семье, моей семье.

Я родился в конце девятнадцатого века новой эры, в год Кота или Кролика и под знаком Рыбы... Интересно, не так ли? Рыба и кот под одним

колпаком, в ежедневной внутренней потасовке, противоречия были моим коньком. Добавьте в эту гремучую смесь двуличность Рыб, плывущих в разные стороны — «За и Против». «Да и Нет» одновременно. Ещё и этот кот под плавниками болтается. И, представьте, я с этим каждый день живу, и меня это действительно напрягает. Никогда не знаешь, чего хочешь, потому что хочешь всё и сразу и немедленно, и никогда не получаешь желаемого, потому как другое твоё «Я» хочет по-другому. Довольно сложно объяснить эти чувства и еще сложнее жить с ними.

Эй, Рыбы, вы ведь меня понимаете? Особенно те, четыре с половиной миллиона человек, родившиеся одновременно со мной на планете. Половина из них уже наверняка мертва, потому что им не повезло родиться в Европе, а родились они где-нибудь, к примеру, в Африке, Средневековом Китае или в Южной Америке, странах третьего мира, где выжить на самом деле сложно, где голод рождается гнётом налогового бремени, эпидемическими болезнями, отсутствием... (кхм... пardon... опять я о политике).

В общем, повезло мне или нет, не мне судить, но у меня был свой город и страна, в которой я намеревался совершать наполеоновские подвиги для достижения самых заветных мечтаний, одной из которых была Американская, знаете, Америка,

доллары, Голливуд, все дела... Но, не буду лезть наперед (там всё равно ничего не получилось). А вторая причина, вы уже знаете, это ритуал воспоминания о том, что я **НАСТОЯЩИЙ**.

Так что давайте знакомиться с моим детством, ибо пока у меня получилось вернуть свою память и способности, прошло довольно много времени. Намеков на то, что я обладаю чем-то сверхъестественным, было всего четыре, в разные периоды жизни. А теперь подробнее о каждом из них.

Глава I

Жертва обстоятельств

— Гляньте на этого миленького малыша, мамочка, поздравляю! У Вас мальчик! Светлый лучик солнца в Вашей жизни, — медсестра передала младенца матери.

Всё еще ощущая боль рождения с глазами полными слёз и счастья, моя мама держала меня так нежно, аккуратно и заботливо, как будто это был последний раз в её жизни:

— Мой малыш... Такой красивый... Я люблю тебя! — она улыбнулась мне, а я улыбнулся ей, заглядывая, как оповестили маму при рождении, своими карими глазами в её синие светящиеся от счастья... издав первый смех.

— Ой, он смеётся, какая прелесть! — доктор умилялся маленькому чуду. — Это так славно!

В этот самый момент и произошло моё перемещение в избранное тело. Я долгое время блуждал в темноте, вокруг этого здания, чувствуя присутствие младенца, но никак не мог его отыскать. Наконец, услышав его звонкий клич, я мгновенно нашёл свою новую обитель.

Далее произошло самое неприятное ощущение во всём процессе реинкарнации. Вас когда-нибудь били тяжёлой арматурой по голове? Если да, то Вы меня поймёте, если нет (на что я искренне надеюсь), то, в общих чертах — это то ощущение, когда, открывая глаза, ты не помнишь даже собственного имени.

Вот как-то приблизительно так я впервые увидел солнечный свет, хотя и был рождён в восемнадцать часов вечера. Это, само собой, был далеко не солнечный свет, а свет люминесцентных потолочных ламп, но, всё же, он был первый в моей жизни, и я хотел улыбаться. Наверное, поэтому, открыв глаза, которые внезапно изменились на ярко-зелёный цвет, моя мама испугалась, а я ей улыбнулся. Подумав, что карие глаза померещились ей и врачам из-за искусственного света, она обняла меня, и я почувствовал себя очень комфортно и защищено, не знаю почему, но именно так я себя и почувствовал. Новые ощущения, новое

окружение, много людей, таких же, как и я, только больших. Мне понравилось. Я улыбнулся еще раз.

Через некоторое время медсестра забрала меня у мамы, чтобы отнести в другую комнату и провести гигиенические процедуры, и привести в эстетическое состояние, чтобы познакомить меня с моим отцом. Знаете, мужчины не выдерживают вида крови и так далее, так что меня вымыли чистой тёплой водой, высушили пушистым тёплым одеялом и одели в мягкий тёплый подгузник... Он, конечно, немного позже стал тёплым, но в любом случае я был готов встретиться с отцом.

Высокий здоровяк буквально ворвался в больницу. Он сбил с ног пару встречных прохожих, вероятно сильно спешил. Он что-то или кого-то искал по какой-то очень важной причине. На лице у него не было ни капли удовольствия, а про улыбку даже думать не стоило. Он был рассержен и практически готов был убить первого попавшегося под горячую руку, а рука у него была немаленькая. Нет, это был не отец, это был один из управляющих больницей, видимо, при высокой должности, раз он позволил себе оскорблять и ругать медперсонал.

— Сестра! Сюда! Немедленно! Я жду объяснений! — он кричал на единственную медсестру, оставшуюся в палате с мамой.

— Что случилось, Семён Петрович?! — сестра так занервничала, что выронила стакан с водой,

испугавшись внезапного появления недоброжелательно настроенного руководства, шмякнувшего дверь о стену со всей дури.

Тут он заметил краем глаза мою маму и, снизив тон, обратился к ней:

— Ох, простите меня великодушно, я не хотел Вас напугать. Поймите меня, с этими людьми невозможно работать. Сплошной беспредел, — он повернулся к медсестре, возвращаясь на плюс двадцать децибел. — В кабинет, живо!

Он ушёл, громко хлопнув дверь так, что в рамах затрещали стёкла.

— Вот, невротик. И как только допускают таких нервно нестабильных в роддом работать? — возмутилась мама.

— О, Господи, только не опять... — выдохнула медсестра, подметая остатки битого стакана. — Простите его, Виктория. У него просто плохое утро, или кофе слишком много, или внимания слишком мало. Не держите на него зла, он не плохой человек. Надеюсь, Вы понимаете.

— Да ладно, — ответила моя мама, — Арт уже снаружи, могу и понервничать.

— Арт? — удивилась медсестра, — необычное имя.

— Он так игриво улыбался сразу после рождения, что первая моя мысль была: «Ну, артист!». А потом решила, что оно ему подходит.

Вот тут она явно солгала. У неё из головы не выходило: как могут быть глаза карими, а через мгновение поменять на зелёный цвет. Поэтому и подумала «Артист!».

Они дружно посмеялись, и медсестра медленно удалилась, шепча себе под нос молитвы о «хоть-бы-не-уволили».

Мой отец уже спешил в больницу, как только закончилась его рабочая смена. Он был обыкновенным разнорабочим на металлургическом заводе, проводя сотни часов своей жизни в обществе шумящих машин и кипящих металлов, и всё ради того, чтобы обеспечить нам с братом будущее, гораздо более стабильное, чем было у него. Ему пришлось поменять кучу автобусов, проехать десятки остановок, перенюхать полсотни потных тел, толкающихся в узком транспорте, и спешащих домой с работы. Да, советская жизнь, друзья, кипела всеми цветами радуги, иногда даже перекипала и выкипала за все допустимые рамки приличного. Невероятные толпы народу в часы пик, жаждущие попасть в транспорт первыми, могли буквально занести тебя внутрь заветного автобуса, даже если тебе туда было не надо, могли вынести, когда тебе не хотелось выходить и так далее, и этому не было видно конца и края. К сожалению, такая жизнь не позволяла иметь собственный автомобиль. Нет, это не было запрещено, просто

это было очень дорого для обычной семьи, как моя, например.

В общих чертах о советской экономике: автомобиль средней паршивости (да! Жигули!), на тот момент стоил около пяти тысяч рублей. Средняя зарплата — сто двадцать рублей в лучшем случае. Минус квартплата, налоги, пенсионные отчисления, одежда и провиант, и это еще хорошо, что не было телефонов, мобильных и интернета, а то вообще разорились бы. Никакой материальной помощи, разве что талоны на молоко на вредных производствах, которые выдавались к зарплате. Ещё существовали талоны на продукты, которых не было в свободной продаже в магазинах. Своего рода «ограничитель» покупательской способности. Например, один человек мог купить пол-литра молока в день на одного члена семьи, не более. И на семью выдавалось талонов на каждого члена помноженное на количество дней в месяце, а нас было четверо, так что представьте себе ситуацию и поставьте себя в эти условия. Надеюсь, картину обрисовал понятно.

А что касается покупки личного авто, думаю, уже все посчитали, что это займёт около десяти лет. И то, вряд ли Вы купите его, потому что существовала длинная очередь на приобретение заветной мечты каждого мужика, а ещё Вы думаете о своих детях, обучении в университете, других

расходах, например, о лекарствах для родителей... Молодёжь, не верите?! Старички, вспомнили? Не нравится? Вот и нам не нравилось... Вообще никак! (почему я всегда считаю деньги?! Может, бедность? Хотя, скорее, экономическое образование... я впрямь как ходячий калькулятор... и ещё эта политика увязалась... проехали...).

В любом случае, мой отец добрался до роддома. Он прошёл в отделение, нашёл нас с мамой, обнял, поцеловал и разделил с нами один из лучших моментов своей жизни — рождение ребенка. Почему один из лучших, а не единственный? Потому что второй самый счастливый момент — это когда у тебя рождается второй ребенок, и вторым ребенком, принесшим красивую чётную цифру четыре в нашу семью, был я. Вот, как-то так я встретил своего папу, обнял маму и нагрел подгузник. Крутяк!

Был замечательный светлый весенний день. Птицы по привычке возвращались с юга и, выбирая укромные места для будущего потомства, щебетали, рассказывая всем, что весна уже вступила в свои права; талый снег ручейками сбегал по дорогам в водостоки; уже позеленела первая травка. Все эти, казалось бы, мелочи делали город гораздо живее и приятнее после серой унылой зимы. Солнышко играло лучами по крышам и стенам промёрзших зданий, мягко устилающих

тротуары тенью; на небе не было ни облачка. Ничего не предвещало беды.

Виктория, моя мама, отлучилась из палаты в столовую, чтобы позавтракать, оставив меня в кроватке наедине со сладкими сновидениями.

Мне снились сияющие звёзды, далёкие неизвестные планеты, космические корабли, путешествующие сквозь пространство и время. Я не понимал, что я видел, но это было очень завораживающе, и я не хотел отвлекаться. Ещё я видел много странных существ. Точнее они были понятные, с руками, ногами, головой — совсем как люди, но вот окрас у них был пылающий, яркий и разноцветный: одни были зелёные, другие красные, третьи синие и жёлтых хватало. Вся эта пёстрая братия куда-то бежала по тёмному лесу, зачем-то в кого-то стреляла лазерными пушками, оборачиваясь в страхе. Я не знал, кто они такие, но очень переживал за них. Моё спящее тело поневоле переворачивалось с боку на бок, двигалось взад-вперёд по кроватке, а на лице были отчетливо видны волнительные эмоции. Медсестра рядом читала газету, попивая чай с лимоном из гранёного стакана. Естественно, до меня ей дела не было, и эмоции мои она не замечала, не говоря уже о том, чтобы хоть как-то попытаться успокоить беспокойное дитя.

В один из интригующих моментов моего сна кто-то из существ попал под луч лазера и был разрезан пополам, отчего я перевернулся, сильно зажмурился, но не проснулся. Одновременно с эмоциями, окно палаты буквально выстрелило от жуткого сильного сквозняка внутрь и, ударившись о стену, слетело с петель и разбилось вдребезги. Медсестра от неожиданности подпрыгнула, сжав кулаки, которыми держала порванную ныне пополам газету, развела руки в стороны, дабы удержать равновесие на падающем стуле, но всё же шмякнулась на пол. Скорчив гримасу неприятной боли, она повалилась на полу, через пару секунд поднялась и, держась за свеженабитую шишку на голове, осмотрела место крушения больничного окна. Откуда взялся штормовой ветер, и почему быстро образовались густые тучи, она не могла объяснить и понять. Но одно она знала твёрдо — надо срочно убрать стекло, чтобы никто не поранился, и отрапортовать о неприятности. Она ушла, напрочь позабыв обо мне. Кстати, по какой причине мы с мамой до сих пор, находились в больнице, я понятия не имел.

В эту самую минуту моя мама почувствовала нечто неприятное где-то внутри. Нет, не боль, не жар и не холод, и даже ничего из того привычного, что человек обычно может чувствовать. Чувство схожее на тошноту, но не в желудке, а немного

выше, в области сердца, смешивалось со страхом. Знаете ли Вы, где в человеческом теле находится душа? Немного выше пупка, прямо в геометрическом центре, там, где солнечное сплетение. Душа Виктории в тот момент дала о себе знать, напомнила, что она всё еще там, и она что-то хочет сказать. Это ощущение заставило испуганную женщину встать из-за стола и, забыв о завтраке, резво побежать в направлении палаты с новорожденным сыном.

Судорожно пробиваясь через зевак, которые вышли из своих покоев поглазеть на затянувшееся тучами небо и растрёпанные ветром деревья, она неслась с такой скоростью, что ей позавидовали бы олимпийские чемпионы, хотя она этого даже не замечала. Она бежала по нескончаемому лабиринту коридора, промчалась мимо других палат в сторону палаты с сыном. На улице заморосил мелкий дождь, и было довольно пасмурно. Во дворе взвизгнули тормоза, едва не сбив врача, бегущего в корпус от дождя. Ловко отпрыгнув в сторону, врач скрылся за дверью роддома.

Когда Виктория влетела на свой этаж, её за плечи остановил вбежавший ранее врач, (да, уж, правду говорят, что любящая мать в страхе за своего ребёнка приобретает способность берсерка).

— Оу, оу, мамочка, помедленнее! Куда Вы так торопитесь? Что стряслось? Не стоит бегать по

больнице. Вы можете кого-нибудь толкнуть или сами поскользнуться, — вежливости ему было не занимать.

— Мой ребенок!.. — взревела она, — что-то не так! Я чувствую!.. Где он?! Я хочу увидеть его!..

— О, Господи! Еще одна... — зло подумал доктор, — Чё ты паришься? Он, блин, в порядке! — А потом сказал вслух, улыбнувшись, — Ага, хорошо. Ясно. Что ж, уверяю Вас, что Вам не о чем беспокоиться, все новорожденные находятся в палатах и отдыхают под присмотром наших заботливых медсестёр, — он пытался её успокоить, дружеским жестом похлопав по плечу.

— Нет!.. Он не в порядке!.. Я чувствую это!.. Пропустите меня к нему, прошу!

— Пресвятая дева, ладно... Хо-ро-шо! — сказал по слогам доктор, — Но обещайте мне, что Вы успокоитесь прямо сейчас. Как я вас пушу в таком невменяемом состоянии в палату. Вы всех перепугаете.

— Засранец, не смей меня успокаивать!.. — подумала мама. — Ты ни хрена не знаешь и не можешь знать, что такое материнские чувства! — Но, улыбнувшись, ответила вслух, — Хорошо. Думаю, у меня нет иного выбора. Я успокоилась. Идёмте скорее.

— Я рад, что мы быстро нашли общий язык, — удовлетворённо произнёс доктор.

— Я тебе этот язык!.. — подумала Виктория.

В этот момент по лестнице спустилась медсестра, охранявшая мой сон, с круглыми глазами она обратилась к сопровождавшему Викторию доктору.

— Иван Аркадьевич, там это... Там, ну, как бы Вам сказать... — нервно начала она.

— Да говори ты толком! Что там?

— Там, в общем, сквозняком сорвало с петель окно, и оно разбилось, — выстрелила сестра с максимальной скоростью и, кивая в сторону Виктории, добавила, — вон, в её палате.

Виктория застыла, глядя в пустоту, и резко, оттолкнув обоих медработников, ринулась к палате, к своему ребенку. Медперсонал поспешил за ней.

— О, Господи! — закричала она, когда увидела ужасную картину.

Слетевшее с петель окно, разбитое стекло на полу, развевающиеся занавески, брызгающий на пол и частично на кровать ребёнка дождь, вселил страх в обезумевшую мать.

— Где он?! — она не увидела на кроватке дитя и, склоняясь, искала на полу. — Вы его забрали? — укоряла Виктория.

— Нет... — удивлённые врач и медсестра переглянулись.

Виктория подошла ближе и увидела торчавшую над кроватью посиневшую голову сына,

застрявшую между кроватью и стеной. Во сне тело видимо свалилось с кровати, и стремительно хотело лечь на пол, а голова мешала телу упасть.

Печалька... Да-да... Мне повезло испытать все прелести эшафота уже в возрасте младенца.

Моя мама стояла шокированная смертью сына, врач отодвинул её в сторону и, как можно быстрее, вернул меня в положение, удобное для спасения жизни, на спину. Пощупал пульс, осмотрел мои глаза на признак реакции зрачков на свет, покрутил голову влево-вправо и, убедившись, что я мёртв, посмотрел на Викторюю.

— Мне очень жаль...

Виктория метнулась к кровати с криком «Не верю!». Она оттолкнула в сторону обалдевшего врача, от чего тот едва не упал, поскользнувшись на осколках стекла, и продолжила моё спасение. Мама подняла меня над головой, стала трясти как грушу, я болтался как тряпочка в неудобных позах, но мама, не зная, что делать, с глазами полными слёз и паники, принялась меня реанимировать, искренне ругая всех и вся, полная скорби и проклятий. Кстати, моя мама своего рода доктор. Нет, у неё нет медицинского образования, но она профессионал традиционной народной медицины. Пока меня «дубасили» пальцами в моё маленькое тело, чтобы запустить сердце, цвет моей головы пришел в норму, и она уже не выглядела так ужасно.

— Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Вдох! —
мама шептала себе под нос, проводя процедуру, —
Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Вдох!

Она не переставала совершать однотипные действия более пяти минут. Вот так любовь — она не верила, что потеряет меня.

— Дыши, Артист!.. Ты меня слышишь?! —
первый раз повысила она голос именно на меня. —
Я тебя не отпускаю!.. Не тебя!.. Не сегодня!.. Я
слишком долго тебя ждала!

Объяснить её крики можно довольно просто,
но это весьма трагично. Несколько раз она теряла
ребенка, будучи беременной: один раз упала на
живот, падая с лестницы; другой — перепугалась
едва не сбившего её на вокзале автобуса, и снова
упала на живот; третий — перепарилась в бане, не
подумав... Печально... Но... Вот он я...
Долгожданный... Живой (почти!) и
реанимируемый.

Персонал решил не трогать расстроенную
мать — мало ли что у неё в голове, того гляди,
стеклом полоснёт ненароком. Поэтому они, молча,
наблюдали в сторонке и ждали, когда она поймёт и
примет неизбежную беду. Но, не тут-то было... Я
всё же задышал, зрачки сузились, после хриплого
вдоха, я закашлялся и заплакал.

Доктор был, мягко говоря, в шоке: он
перекрестился, а медсестра от радости упала на

стул. Моя же мама, в отличие от них, счастливо разревелась, осознав, что только что силой материнской любви воскресила своего Артиста. Подняв меня на руки, мама укутала тёплым одеялом ознобившее тельце и крепко обняв, обернулась и гневным взглядом одарила остолбеневшую медсестру, не усмотревшую младенца.

— Сволочь! — это всё что смогла сказать мама.

Врач опустил голову и закрыл глаза.

Я вообще не понимаю, это типа развлечение у него такое было — наблюдать за страданиями несчастной женщины? По-моему, ничего развлекательного в произошедшей беде не было! Я понимаю, что подобное зрелище не случается каждый день, но всё же...

Итак, у меня таки получилось добраться домой, моё первое настоящее личное пространство, заполненное теми, кому я дорог. Моя мама поклялась себе, что больше никогда в жизни не доверится ни одному человеку в белом халате. И, знаете, она в чём-то права. Большинству из них интересны лишь деньги, не смотря на клятву Гиппократы, но о каких деньгах идёт речь в советской семье...

Бабушка встретила нас тёплой улыбкой и вкусными домашними печенками, наполненными

ароматом весь дом, и заварником чаю. Какого именно? Хм, довольно деликатный вопрос, ведь не было выбора в магазинах... Точнее выбор был — чай или кофе в банках с названиями «Чай» и «Кофе» (в Советском Союзе кофе, вроде бы, поставлялся из Бразилии, а чай — из Индии). Поэтому честно будет сказать «Индийский чай». Так или иначе, мне было всё равно. Рано мне было пить чай. Он предназначался для моей семьи, я же предпочитал молоко (кстати, я его, даже учась в университете, предпочитал больше других напитков). Мои свежевстреченные родственники много разговаривали, обсуждали насущные проблемы, моё удушье между стеной и кроватью, с ужасом охая и ахая. Вести о «пополнении» моментально разнеслись по округе, так что все семейные друзья пришли в гости, чтобы поздравить моих родителей и познакомиться со мной (и естественно никто не удержался, от подёргивания меня за щёчки... Больно же, блин!).

И был среди них один человек, который любил меня больше всех. Ему было четыре года. Его звали Александр, мой старший брат. Мне иногда кажется, что я сам люблю его больше, чем себя. Он всегда был для меня чем-то возвышенным. Я знаю, что «не сотвори себе кумира» и всё такое, но всё, чем бы он ни занялся, производило на меня неизгладимое впечатление: я хотел делать так же,